

ПЕЛАГЕЯ ЛISOBA

ОСТЬ

— ТЫ МЕНЯ НЕ ПРЕДАШЬ?
— ПРЕДАМ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Пелагея Лисова

Ость

<https://litres.ru/74442154>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиция соглашается на фиктивные отношения, чтобы привлечь внимание парня, в которого влюблена. Но оказывается в ловушке, где её тело становится ставкой. И пока одноклассники пишут эссе про вымышленных героев, Аля пишет про живых людей. На случай, если завтра они её уничтожат.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	41
Глава 7	48
Глава 8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Пелагея Лисова

Ость

Глава 1

Не лучший день для мемуаров. Но раз я решилась, а ты, дорогой друг, открыл эту книгу, значит нас свела судьба. И пусть тебя не смущает мой бодрый голос – это пока. Говорят, в конце все будет хорошо, но почему-то молчат, как пережить промежутки и при этом не чокнуться. Сейчас я слишком близка к безумию.

Слишком пафосно?

Увы.

Вообще-то я не из фиф с наклеенными ресницами и томиками Коэльо в сумке. Скажу честно, меня тошнит от сладких метафор вроде «его жаркие губы вонзились в мою плоть...». Я с детства читала слишком много, чтобы сейчас визжать от восторга, когда очередная беременная любовница вцепилась в волосы жёнушке босса.

К своим шестнадцати я перечитала море классики. В основном классики ужасов — Кинг, Лавкрафт, Баркер. Если эти фамилии говорят тебе о человеке столько же, сколько и мне — у меня наконец-то появится друг. В школе и во дворе не сложилось. Подруга детства Стефания учится со мной

в одном классе, если, конечно, переписку с парнями можно назвать учебой. С начала года мы делим заднюю парту у окна.

Сегодня, девятого марта, наша парта простаивала. Стефа блестяще проигнорировала учебу, отпросившись к врачу, а я... Моя фамилия известна даже уборщицам — проскользнуть под шумок не выйдет.

Так уж вышло, в конце осени я здорово опозорилась на дискотеке. По просьбе Стефы пронесла мамин ликер во внутреннем кармане сумки. Мама не заметила. Умотала, как обычно, в командировку, а когда вернулась — прочла бестолковую нотацию про целомудрие и отключилась под «Тринадцатый участок» прямо на диване гостиной. Так вот, на дискотеке дежурила пани Козак, директриса лицея. Она ощупывала даже совершеннолетних парней после того, как нашла в рюкзаке одного всякое... Из числа перечеркнутого диагональю в красном круге. Когда подошла очередь Стефы, пани Козак придержала ее у дверей и подозвала меня.

— Ну, Алиция, пани Новак утверждает, что вы подготовили выпивку для веселья, так ли это?

Я слышала потом, как Стефания Новак упрашивала пани Козак простить ей сигарету в клатче. Директриса согласилась на бартер. Так, весь лицей увидел нутро моей сумки — злосчастный ликер, мазь от угрей младшего брата Томека, порванные носки (забыла выкинуть после физры) и запасные трусы. Увы, не осмелилась распрощаться с ними после того,

как однажды меня прямо с улицы забрала скорая.

— Ну, засранка, — полетело мне в спину. Ужасно неловко, знаешь ли, когда весь лицей таращится на трусы с феями Винкс, а лучшая подруга хихикает под боком.

Но тут, не иначе, вмешалась сама Справедливость.

Завтрашний выпускник Руже, которого я до этого видела только мельком в коридорах, вывалил из рюкзака две банки пива и крикнул пани Козак:

— Я тоже принес. И что?

Весь коридор тогда засвистел в одобрение Руже. А он, показав кулак размеров с голову моего бульдога, сказал:

— Увижу, кто дразнит Алю — вы это видели!

В знак благодарности я не придумала ничего лучше, чем добавить его в друзья на Фейсбуке. Но дальше галочки «в друзьях» дело не пошло, да и я не хотела. В моем френдлисте были более интересные персонажи.

Например, Ярослав Покаржевский.

Закадычный друг Руже.

Все, что я знала про Ярека — ему восемнадцать, после занятий подрабатывает консультантом в бутике, куда входят дамы с силиконовыми сиськами и дорогими собачками. Думаю, Ярека взяли на работу за проникновенные голубые глаза и напористость.

Я ненавидела его за то, что влюбляюсь и каждый вечер молча водила курсором по аватарке, где Ярек светил загорелым прессом.

...Итак, как я сказала, к девятому марта меня знал весь лицей, от биохима до гуманитариев.

Сама я училась в гуманитарном классе: без ложной скромности скажу, что учителя хвалили мои эссе и даже печатали их в школьной газете. Жаль, но это не научило просыпаться по будильнику и собираться за пять минут. Поэтому в тот день я опоздала и на польский, и на историю. А когда все же попыталась незаметно прокрасться к кабинету математики, пани Козак прямо из-за спины схватила меня за локоть и гаркнула на ухо:

— Опять?!

Что я могла сказать? Лифт сломался? Мы жили в частном доме. Автобус опоздал? Пешком до лицея минут двадцать. Опустив глаза, я пялилась на лакированные лодочки, обязательную сменку, и пожимала плечами.

— Пани Алиция, третий раз за месяц. Мне очень не хочется контактировать с вашей матерью...

Я мысленно фыркнула и подавила улыбку. Ещё бы. Хоть маман на бумаге значилась простым продавцом в цветочном, на деле она с нуля сколотила бизнес, вымуштровала сотрудников под себя и очень (очень!) злилась, когда ее дёргали по пустякам. Пустяком для нее было все, кроме метеорита, летящего в ее магазин. Тут полномочия пани Козак, к счастью, заканчивались.

Но она все равно могла позвонить. Хуже всего, вечером, когда моя ма на третьем стакане виски. Пришлось бы выслу-

шать, как ма что-то спьяну бурчит, а потом тяжело вздыхает и хлопает дверью спальни.

Сегодня и завтра она в командировке. Но пани Козак не промах — будет звонить по победного.

— Извините, — сказала я. — Брат долго возился с посудой. А у нас один ключ на двоих.

— Не вижу проблемы. Томек взрослый мальчик. Сообразит, как закрыть дверь.

— У него сегодня соревнование в Варшаве, — соврала я. — До глубокой ночи. Боюсь, ради ключа я не осилю такой путь.

— Ладно, — вздохнула директриса. — Последний раз. Что у вас? Математика?

Я кивнула. Кажется, пани Козак знает расписание лучше, чем студенты.

— Можно идти?

— Идите. И кстати... — Сделав два шага к лестнице, директриса снова повернулась ко мне. — Математика сегодня на втором, рядом с учительской. Надеюсь, вы хотя бы помните, почему.

Бросив эту загадочную фразу, она оставила меня переваривать мысль. А я так и пялилась на лестницу, где пропала пани Козак. Только спустя пару минут смысл услышанного все же дошел.

Сегодня день самоуправления! Лучшие студенты выпускных классов заменяют учителей. Учителя обязаны контролировать юных преемников — так распорядилась пани Козак.

Но наш математик пан Козловский редко выползал из своего кабинета на первом. Больные суставы – неизменная расплата за старость. Ещё он путал семёрку с единицей, и пока доходил до нашей со Стефой парты – свистел от одышки и забывал, зачем шел.

Вывод наприсился сам собой: математика пройдет без пана Козловского. Но кто вместо него? В физмате много сильных ребят. И Ярек...

Хотелось верить, что его средний балл проигрывает баллу одноклассников. И что пани Козак ещё не настолько вышла из ума, чтобы просить отъявленного хулигана побыть училкой.

Даже на день.

...Со звонком в коридор хлынула толпа, и скоро лестницу перегородила стайка сплетниц. Обычно их разгонял какой-нибудь старшеклассник, охочий до порядка. Вроде Руже. Но сегодня старшие тоже толпились на лестнице, подслушивали, кто провел урок на отлично, а кто облажался.

— Дайте пройти. — Я попыталась втиснуться между болтунями. Кто-то пихнул в бок, нога соскользнула со ступени, я вцепилась в перила и оказалась зажатой между телами – от них пахло пудрой, гелем для волос и столовскими котлетами. – Да пропустите же!

— Аля! — вдруг позвал из толпы знакомый голос.

Кася, одноклассница, притянула меня к себе за рукав блузки.

— Слава Богу, ты пришла! Руже достал меня. "А где Квятковская? А почему прогуляла?"

— Руже вел урок? — Я ещё договаривала фразу, а Кася уже тащила меня к кабинету и разгоняла лестницу криком.

Мы уже вошли в коридор, но Кася по привычке кричала:

— Польский! Забавный такой этот Руже. Думает, его Прус нужен кому-то, кроме него.

— Тот самый? Болеслав?

— Фиг знает. Руже весь урок занудствовал, а в конце задал эссе и сказал, что прогульщики напишут отдельно, под его личным контролем.

Я вошла в класс и тут же уткнулась взглядом в Стефу, она стояла у окна и болтала с Агнежкой, которую всегда за спиной называла заучкой и крысой.

Думаю, исцелиться без врача Стефе помог день самоуправления.

Я почти угадала.

Едва мы сели за пару, Стефа повернулась ко мне и сказала:

— Я прикинула, зубы подождут ради шоу с Покаржевским на математике.

— Почему с Покаржевским? – спросила я с ужасом мистера Крида*, к которому ночью приполз мёртвый кот.

— Разве не слышала? Он провел математику у параллельного класса. Говорят, дрючил за каждый шорох.

— Ну и где он?

Мы со Стефой, не сговариваясь, посмотрели на стол, где вместо любимого паном Козловским пакета из Бедронки (он носил там тетради и бутерброд) стоял кожаный дипломат.

— О-о-у, — протянула Стефа и покачала каштановой головой. — Это кейс Ярека.

— Это рядовая штука для документов любого учителя, — засопротивлялась я, плохо понимая, что творится внутри. Ты спросишь: как это? Как можно горевать и радоваться одновременно? Очень просто. На какой-то момент я почувствовала себя биороботом, подключенным к мудреной системе, которая активирует все нейроны разом. Я знала, что не успокоюсь, пока не увижу своими глазами, чей это кейс. Когда прозвенел звонок, а учитель все ещё не пришел — внутри сжалось и заболело.

— Спокойно. — Стефа погладила меня по плечу. — Вот и отличный повод познакомиться ближе. Ты ведь давно хотела?

— Нет. — За секунду передумала я. Одно дело — тайком следить за Яреком в коридорах, пускать слюни на его фото. Другое — подойти к учительскому столу на виду у всех. Заговорить. О чем?

Ярек ещё не вошёл, а я уже видела, как он смотрит на нас. Как воспитатель на ораву детсадовцев: кто по уши в каше, кто снял грязный подгузник и возит им по столу.

Впрочем, он смотрел так на всех, и на Руже, в том числе, и на свою подругу Полу.

Они учились в одном классе.

На короткий миг я подумала, что так даже лучше. Чем сильнее он верит, что я малолетка с соломой вместо мозгов, тем приятнее удивится, когда мы познакомимся ближе.

И все-таки: о чем с ним говорить?..

«Мода и нижнее белье», — подсказал внутренний голос.

Я кивнула ему в ответ и увидела, как Стефа округлила глаза.

— Разбираюсь... — начала я, пока она не надумала лишнего. Стефа вцепилась мне в локоть и кивнула на доску.

Именно тогда я осознала, что в классе тихо. Слышно, как муха сонно скребется о подоконник. За окном барабанит дождь. За парком у лица звенит старый трамвай.

Взгляд переместился к доске. Новой, белой, в отличие от потрепанной мелом в кабинете пана Козловского. И на фигуру около доски.

Там стоял Ярек.

*Луис Крид — герой романа Стивена Кинга «Кладбище домашних животных»

Глава 2

Когда-то я смотрела ролик про болезнь Урбаха-Вите. Это генетическое заболевание, которое может лишить человека страха. По-моему, при нем разрушается миндалевидное тело.

Пациентка равнодушно копалась руками в террариуме с пауками и змеями. Безучастно смотрела, как в фильмах ужасов выпускают кишки. И даже посетила дом с призраками, откуда улепетывали отчаянные «страхолюбы».

В итоге, ее заставили бояться. Искусственным способом. Почему я об этом вспомнила?

В жизни не завидовала больным людям. Скучный урок можно прогулять, дурацкую книгу — закрыть, плохого друга — отправить в бан. Многое, что раньше казалось трагедией, с возрастом стало вызовом. Ах, ты так? Тогда я вот так! Но если ты безнадежно болен...

...Когда у доски появился Ярек, я всерьез позавидовала той бесстрашной пациентке. Ноги заколотились. Парта мелко задрожала в такт, зазвенели карандаши и линейки.

С руками за спиной Ярек ходил вдоль учительского стола, поглядывал на Касю и Агнежку за первой партой.

Потом остановился, покопался в дипломате и достал оттуда листы, подозрительно напоминающие те, что пан Козловский раздавал нам на тестах.

— Ваш учитель, — сказал Ярек и повернулся лицом к классу, — передал контрольные. Но я думаю, логичнее провести устный опрос.

— Почему? — спросила Агнежка с места.

— Вас не учили вставать?

— Так вы не учитель, — вмешалась Кася.

— И кто же я, по-вашему? — прищурился он, и взгляд его скользнул по центральному ряду. Кася пожала плечами. Лица я ее не видела, но, готова была поспорить, она покраснела и поджала губы. Оставалась крохотная надежда, что Агнежка сорвёт урок. Но и она вдруг замолчала и опустила голову к парте.

— Вот и отлично. — Пан Покаржевский потряс тестами, демонстративно отложил их на стол и, хвала небесам, сел.

Спинка его стула касалась доски, и чтобы взять маркер, нужно было подойти вплотную к Яреку.

Он мог передвинуть стул к окну, но, кажется, принципиально не шевелился, чтобы все видели, кто тут главный.

Пауза тянулась бесконечно долго.

Ярек стучал пальцами по клавиатуре, перекладывал какие-то бумаги. Молчал. Так долго и многозначительно, что я задумалась: если пробраться к окну и сигануть оттуда, всего-то второй этаж, заметит ли лжеучитель?

Наконец он оторвался от экрана и снова обвел взглядом класс.

Было что-то неправильное, непонятное в том, что мы

должны подчиняться симпатичному раздолбаю, а он — оценивать нас. Я смотрела на него через щель между пальцев и мысленно перебирала список класса в алфавитном порядке.

Если Ярек начнет с А, к доске пойдет Кася. У нее с математикой хуже, чем у меня. Это хорошо. Я бы сказала, превосходно. Кася промучится у доски пол-урока. За ней Анжей, Майя... Я шестая. Может, повезет, и Ярек не узнает, что в математике я разбираюсь примерно, как в ядерном делении? Нет, Пани Козак точно сошла с ума. Неужели она поверила, что Ярек или любой другой старшеклассник не захочет отомстить мелким? Он реально вызовет к доске? Реально вклеит единицу?

Я пялилась на парту, где кто-то уже нацарапал сердечко с А и R, переводила глаза на доску, когда слышала, как шевелится стул "учителя". И сразу отворачивалась к окну.

— Кто такая Кважовская? — вдруг ожил голос у доски.

— Квятковская, — не оборачиваясь, исправила я на автомате.

Потом в голове щёлкнуло, лихорадочно завертелись шестерёнки, и я, сообразив, что в классе одна Квятковская, встала. Машинально одернула юбку. Чем, похоже, дала Яреку повод оценить меня снизу доверху.

— А-а-а... — протянул он.

Это определенно значило больше, чем простое «понятно». Мы виделись с ним пару раз в неделю, и то, в столовой или на крыльце лица. При этом он, как по заказу, трепался

с какой-нибудь блондинкой и уделял мне не больше внимания, чем голубям. До сих пор я, признаться, думала, что у него «не стоит» на брюнеток или на вчерашних восьмиклассниц. Но его «ааа»...Он будто узнал меня и не собирался отпускать, пока не выпотрошит наизнанку.

— Вы Алина?

— Алиция, — опять исправила я. Сердце подпрыгнуло к горлу.

— Извините, здесь неразборчиво.

Здесь? Он про ноутбук?

— И что же Вы поведаете нам, Алиция Квятковская? — сказал он уже с улыбкой, опять глядя на Касю и Агнежку.

— Что танцевать и лепить из глины умею лучше, чем решать уравнения.

По классу пронеслись озорные смешки.

— Что ж, тогда танцуйте, — ответил Ярек.

— Простите?

— Я не тянул за язык. Или вы не умеете отвечать за слова?

— Вы в своем уме? То есть... Ой!

Сдвинув брови к переносице, Ярек постучал ручкой по подбородку. Встал, вышел из-за стола. Направился прямо к последней парте. Затем встал рядом со мной, в белой рубашке с закатанными до локтя рукавами, черных брюках со стрелками и ботинках, стоимостью в три зарплаты.

— Танцуйте, — настоял он с ехидной усмешкой.

— Может, Вы забыли, но я упоминала про глину...

Класс уже откровенно хихикал, только я не понимала, над кем. И если бы увидела шутника — свернула бы ему шею.

— То есть, вы, пани Кважовская, вдруг решили, что раз я не настоящий учитель, надо мной можно глумиться?

— Господи! Нет, конечно. — Я сказала чистую правду.

— И, тем не менее, решили проверить мое терпение?

— Да что ты так взъелся?

Ярек начертил в воздухе вертикальную линию. Со своего роста до моего — сантиметров двадцать. Затем ткнул пальцем мне в лоб, как глупому котенку, напрудившему мимо лотка. И за плечо вытянул меня из-за парты. Расстояние между нами сократилось до ладони. В это мгновение класс резко затих. За окном опять зазвенел старый трамвай, на подоконнике закопошилась муха. Мы с Яреком застыли друг напротив друга. Он, стиснув кулаки, а я — зубы. На скулах его грозно перекатывались желваки, но больше меня пугала тишина, в которой двадцать пар глаз метались от Ярека ко мне, и никто, ни один мальчик не спешил заступиться.

— Не думаю, что Аля нарочно оскорбила вас, — вступила Кася. К тому моменту воздух в классе стал густым, почти осязаемым, впору резать ножом.

— Я вас не спрашивал, — отрубил Ярек.

— Нам уже запретили высказывать мнение?

Ярек отвернулся от меня. Подошёл к Касе и навис над ней, как гора над крошечным путником. Я видела, как Кася сжалась, и ее плечи затряслись, но, в отличие от меня, она наро-

чито смело сказала:

— Сегодня день самоуправления, а не день самодурства. Я прямо сейчас пойду к пану Козловскому и расскажу. Всё расскажу.

— Ну и вали, — бросил Ярек.

— Псих, — сказала Кася.

За ее спиной громко хлопнула дверь. С минуту мы таранились на Покаржевского, а он на нас: то ли выбирал новую жертву, то ли думал, как избежать нагоняя от пана Козловского. Внезапно я поняла, что забыла, почему мы поцапались. Память восстановилась позже, под вечер; тогда я плохо представляла, чем закончится мимолётный конфликт.

Прозвенел долгожданный звонок, класс ожил. Загудели голоса, заскрипели стулья, захлопали двери. А мы с Яреком стояли, словно нас приклеили к полу и, готова поклясться, оба искали подходящие слова.

Но таких слов человечество, кажется, ещё не придумало.

Глава 3

— Аля, он идиот, наглухо отсаженный!

На перемене вокруг меня столпились одноклассники и ребята из параллели. За пять минут Стефа растрепала всему лицу, как Ярэк унизил меня и Касю. Сомневаюсь, что кто-то сильно удивился. Ярэк давно подмочил свою репутацию.

Поговаривали, он продал какому-то мальчику велосипед с поломанной педалью, мальчик поехал, слетел в кювет и сломал ногу. Потом мама этого мальчика обвинила Ярека в мошенничестве и требовала с него пять тысяч за то, что нога срослась криво, и пришлось тратиться на санаторий. Мне эта история напоминала про слепого, которому продали мертвого попугайчика*. Короче, все знали, что Ярэк тот еще гусь, но при этом рядом с ним постоянно вились девушки модельной внешности. Какой я, к сожалению, похвастаться не могла.

Ну и что?

Если я среднего роста, ношу лифчик двойку и падаю на каблуках, — теперь я не человек, что ли?

Ребята утешали меня, как могли. Анджей притащил из столовой круассан с шоколадом, Майя принесла сладкую газировку и сказала, чтобы я шла прямиком к пани Козак. Они облепили так плотно, что я еле дышала, но всё это не имело значения.

Почему? Почему, спрашивала я себя, они не заступились на уроке? Что им мешало?

— Ой, я слышала, вся его семейка как на подбор, — сказала Майя и протянула мне бумажный платок.

— Что это значит? — Всхлипнула я.

— Ебанутые. Его папаша лупил, а мама в детстве на кафель роняла.

— Свечку держала? — хмыкнула Агнежка.

— Отвали, Ага. Сама на уроке засунула язык в жопу.

— Так и ты засунула, — развеселилась Ага.

— Тебе надо к Руже! — отмахнулась от нее Майя. — Они вроде дружат с детства. И он говорил, что прогулявшие...

— Да-да, — остановила я ее. Лишь бы снова не слушать про дурацкое эссе. Да и что мог сделать Руже? Отобратить у Ярека карманные деньги и запретить гулять после десяти?

Честно говоря, я сама не понимала, зачем ябедничать на Ярека. Да, они правы, Ярек перегнул палку. Но и я тоже. Трудно представить, как я говорила пану Козловскому: ну и дрянь ваша математика, давайте лучше станцуем! Впрочем, потом я вспоминала, что шутка звучала иначе. Без злобы или подколки. Может, Ярек озверел потому, что до математики его вывела пани Козак? Она умела, честно-честно. Я проверяла на собственной шкуре.

Скоро толпа поредела, ребята разбились на группы и разбрелись к подоконникам. Одни поносили Ярека, другие спрашивали, где Кася. Она ещё не вернулась.

К концу перемены рыдающая Аля наскучила всем, кроме Майи. Стефа убежала рассказывать о моем унижении всему городу. А мы с Майей спустились в холл.

Там-то и обнаружилась Кася.

Когда мы подошли, она пялилась в колонну стеклянными глазами, что озадачивало не меньше, чем слетевший с катушек Ярек.

— Что случилось? — осторожно спросила Майя. — Пан Козловский выгнал?

— Я вообще не дошла. — Качнула головой Кася.

— Фанатка бабкиных бус наорала? — Майя говорила про пани Козак.

— Нет. Пиздец. Наша училка по польскому.

— Уволилась? — Я и правда расстроилась, особенного после слова «пиздец». Своенравная бабуля, но бесшабашная и забавная.

— Она умерла, — сказала Кася. — Сегодня утром в больнице.

— Пиздец, — глухо повторила Майя.

Мы проводили с «веселой бабулей» каждый день по полтора часа. На перемене она курила прямо в кабинете. Единственная из учителей, кого не гоняли за это. Остальные спускались на крыльцо и в град, и в метель. Она швыряла в Анджея тряпкой, когда он нарочно коверкал имя писателя. А когда опаздывала на занятия, рассказывала, как упрашивала своего кота отойти от порога и выпустить ее на работу.

Я мало запомнила про архетипы, поэзию Горация и идеалы Средневековья. И много — про ее бывшего мужа, любителя носков с аниме-персонажами и аллергией на крыс (он часто шутил, что стал аллергиком за годы совместного проживания с крысой).

— Очень жаль, — сказала Майя, а я кивнула и тяжело вздохнула. Что тут добавить? Человек смертен. Что хуже — иногда он внезапно смертен. Бабуля дотянула почти до восьмидесяти, и каждый божий день приезжала в лицей на кабриолете, и до последнего красилась в рыжий и носила высокий каблук.

— Кого-то поставят на замену. — Шмыгнула носом Кася. Наверное, тоже вспоминала про красный кабриолет и туфли на шпильке. — Жалко, блин.

— Жалко, — тихим эхом откликнулась Майя.

— Помните, как Покаржевский приперся к нам посреди урока, а она треснула его по шее метлой?

Майя улыбнулась и подхватила:

— А как он сказал ей «вот щас сломаете, а на чем домой полетите?»?

— Да, а она зарядила ему по заднице!

Майя в голос рассмеялась, и я наконец расслабила траурное лицо и усмехнулась.

— Хорошая была тетка.

— Хорошая, — грустно повторила Кася. — Интересно, кого пани Козак найдет?

— Главное, чтобы не хуже, — честно ответила я.

Несомненно, я скорбела по учительнице, но проникнуться болью Каси не могла. Или не умела. Мама часто говорила, что я эгоистка: тебе бы свои дурацкие книжонки листать и в шмоточных ошиваться.

Но если я любила и жалела только себя, то почему тогда рвалась узнать, что случилось у Ярека?

Шестое чувство кричало, нет, вопило: Ярек на грани. И хоть я убеждала тебя, мол, любой старшеклассник при власти рано или поздно сорвется на малолетках, но все равно искренне верила, что у жестокости Ярека была веская причина.

К последнему уроку мне столько раз напомнили про эссе, что я не выдержала и поднялась в класс на третьем. Буквально вчера мы там умилялись заботливому коту и разбирали Божественную комедию.

— Можно? — Я постучала в дверь, чувствуя себя круглой дурой. Мысль о том, что учительница умерла, ее раздели, накрыли простыней, увезли в морг, а там вскрыли и набили тряпками, преследовала всю дорогу до кабинета. Но я все равно стучалась, будто это могло отменить ее смерть или хотя бы отложить.

— Входите, открыто, — крикнул из-за двери мужской голос, подозрительно знакомый.

— Я насчет эссе. — Дверь, как и все в старом крыле, от-

крылась со скрипом. Сразу за ней открылся вид на два узких окна с облупленной белой краской и портрет Яна Кохановского между ними. Правее, в углу класса стоял учительский стол, а за ним восседал Руже.

Как и положено «учителю» — в белой рубашке, на пять размеров больше рубашки Ярека. При галстуке. И в черных кожаных штанах с бахромой на бедрах.

Под носом у Руже обнаружили тетради, а сбоку — мотоциклетный шлем и замшевые перчатки без пальцев.

— О, это ты. — Руже отхлебнул кофе и поставил кружку на чью-то тетрадь. — Заходи, рад видеть.

— Эссе, — повторила я. — Прус?

— Почему Прус? — Руже наклонил голову, длинная курчавая прядь плюхнулась в кружку с кофе. — Черт. — Он густо покраснел, отодвинул барахло в дальний угол стола и смахнул со лба мокрую прядь. Та свалилась ему на нос. Руже впопыхах заплел волосы в густой низкий хвост, это мало помогло — его широкое лицо стало похоже на блинчик, не спасала даже густая черная борода. А потом взглянул на меня как первоклашка, забывший дома хрестоматию, и скованно улыбнулся.

— Э-э-э... Ну, садись, да?

— Куда? — Я поставила сумку на первую парту. — Здесь писать?

— Ну... А где еще?

— Дома. Если я не вернусь через час — собака загадит

пол.

— А брат?

— Томек? — Я весело фыркнула. — Мама напоминает ему, когда поменять носки, ау.

— Ох... — Посочувствовал, что ли? — Надеюсь, ты справишься за полчаса.

— Серьезно? Руже, я ужасно устала. Сначала пани Козак, потом Покаржевский. Пожалуйста, дай я просто уйду.

— Что Покаржевский? — Руже словно не услышал просьбу.

— Ха, так он не рассказал лучшему другу?

— Не разделяю друзей на лучших и худших.

— А Ярек? Вы вместе с детского сада.

— А Стефа?

Ох, черт.

Он уложил меня на лопатки.

Откуда Руже узнал, что Стефа умчалась, пока Майя и остальные прыгали вокруг?

— Ладненько... И по чем сочинение? Инферно? Я не читала. Можешь поставить единицу, пока пёс ещё выбирает, какую часть дома засрать.

— Хм, чем же ты занималась? — Кажется, он и впрямь пропускал половину слов мимо ушей.

Пообещав себе, что уйду, когда узнаю, чего он на самом деле хочет, я скользнула за парту и поставила локти на сумку.

— Чем занималась... Какой любопытный! — Думала, как

залезть в штаны Ярека. — Ну... Собирала брата в школу, читала книгу, плевала в потолок.

— Что читала?

— Дина Кунца. Кстати, занудный дядька. Не советую.

Руже заметно оживился, полез в полку стола и вытянул оттуда какую-то книгу с черепом на обложке.

— Вот. Отличная штука. Недавно дочитал. Не понравится

— принесу другую. Что вообще тебе нравится?

— А это что? — Я кивнула на книгу в его руках.

— Прочти и узнаешь.

— Хорошо, возьму книгу и уйду читать домой. А ты пообещай, что не будешь ныть, и сочинение — бац! — неожиданно появится у Пана Козловского.

— Ого, меня шантажируют!

— Играю на твоих условиях. — Я поймала себя на мысли, что невольно флиртую с Руже, а он, как малыш в сладком королевстве, глазеет на большой леденец и тянет к нему ручки. Раз я начала игру, то должна была закончить ее. Иначе в кудрявой голове Руже могли ненароком родиться крамольные мысли. Я не собиралась читать его книги и, тем более, ждать его после уроков или, не дай Бог, переться к нему домой «на хороший фильм».

Как любой славный парень по мнению всех мам мира, он казался... таким скучным? Правильным? Чудаковатым?

Вместо туфель к его идиотским штанам просилась широкополая шляпа на завязках и ковбойские сапоги. Вместо мо-

тоцикла — лошадь. А сам он смотрелся за учительским столом как бык в курятнике, и лучше всего его описывало емкое слово *niezgrabny**.

— Я... пойду, пожалуй. Томек и книга и всё такое...

— Книга. — Руже подошел к парте, взял меня за руку и вложил туда книгу. — Прочти, пожалуйста. Там кое-что важное. Для тебя.

* Сцена из фильма «Тупой и еще тупее»

* Нескладный, неуклюжий

Глава 4

Когда Стефа говорила: «Так не хочу домой!» — я всегда удивлялась. Ну как можно не хотеть туда, где ждёт личная комната с щеколдой?

Мне повезло меньше: год назад мама затеяла ремонт в детской, в которой Томек прожил двенадцать лет, а на тринадцатый год заартачился. Мол, обои с машинками — это позорище, друзья из футбольной команды на смех поднимут. С тех пор они с мамой объездили все строительные, и каждый раз Томек канючил: и квадраты на обоях слишком квадратные, и голубой цвет слишком детский, и у белого — странный девчачий отблеск на рассвете.

Так, в моей комнате появилась перегородка вроде той, что ставят в массажных кабинетах. От последней она отличалась тем, что доходила почти до потолка. Вечером я не видела, чем занимается брат, а если и видела непристойные тени — отворачивалась к стене и приглушала бра над кроватью. Не скажу, что Томек особо мешал. Чаще всего он вваливался в комнату поздно вечером, прямо в ботсах плюхался на кровать и скоро уже храпел.

Тогда я затыкала уши берушами, открывала книгу и до двух-трёх ночи, пока не прижмёт по-маленькому, слеpla над страницами. И хоть зрение падало, а мама ругалась, я не умела засыпать по-другому. Как ты уже знаешь, творчество Кун-

ца разочаровало меня, а старого доброго Кинга я выучила наизусть. Поэтому книга Руже пришлась как нельзя кстати. На обложке без названия плясали черти, в огненной тележке толпились черепа. Тележкой управляло некое зелёное существо с хвостом и рогами.

Ух ты! Руже угадал. Немного смущало, что книга обернута в бумажную обложку. Будто под ней спрятали то, что могло разочаровать. Например, «Грозовой Перевал» или «Джейн Эйр». Извини, ненавижу писанину сестер Бронте. Я сняла бумагу. Уставилась на красную книгу с золотистыми буквами. *Данте Алигьери. Ад.*

Расхохоталась и хлопнула книгой о тумбочку. Ну и хитрец ты, Руже!

Только мама умела так искусно дурить меня (конечно, суп без лука!). И хоть к концу тарелки я просекала, что лук маскировался под сельдерей, а все равно снова и снова верила маме. Коварный Руже превзошел ее.

Мда, я недооценила его потенциал. Что ж, этой мелкой шалостью он дал мне зеленый свет. Скоро я, пролистав книгу, узнала из форзаца, что настоящее имя Данте — Дуранте, и весело хихикнула. Настроение поднялось, книга легла в тумбу. А я поставила ноутбук на колени и кликнула мышкой по списку друзей.

115 человек. Последний добавленный: Руже Моро. Руже — что за странное имечко? Он его сам придумал?

По внешности он напоминал, скорее, итальянца или ис-

панца, или вообще турка. Мелкие карие глаза, чересчур наивные для парня с бородой в пол-лица, и крупный нос — приплюснутый, в отличие от типичных с горбинкой. Это сбивало с толку. Честно говоря, меня мало заботила его национальность, его вера, семья и друзья. Всё, кроме Покаржевского.

Я рассчитывала найти в его профиле какую-нибудь связь с Яреком. Фотографии, выпускной альбом, совместных друзей, кроме лицейских или хотя бы какой-то поддерживающий комментарий. Ничего.

Да и смотреть было особо нечего. Парочка фото на лыжах, на мотоцикле, шоколадный торт со свечами 18, аттестат с красной полосой на имя Rouget Moreau (Господи, ну и имечко!). И всякое по мелочи. Полосатая кошка на коленях, Руже с тремя золотистыми ретриверами, которые облизывали его лицо, он же с томиком Донны Тартт и, наконец, в спортзале. Судя по выпирающему животу и полным ляжкам спортзал ему не помог. Ни намек на Ярека. Словно Руже стыдился этой дружбы. Моя страница, наоборот, пестрела фотографиями со Стефой. Вот мы на колесе обозрения в Кракове, обе с джелато, вот мы в парке на велосипедах, вот мы с сигаретами... Ой. Я удалила фотографию, обновила страницу и установилась на нее.

Интересно, как люди видят меня со стороны? О чем они думают? Замечают ли, что один глаз у меня синий, а другой

ближе к серому? Что на велосипеде я смотрюсь, как цирковой медведь? Что заметно проигрываю Стефе, напомаженной и на каблуках?

Я закрыла раскалённый ноутбук, поерзала на кровати и прижалась затылком к холодной подушке. Где-то за дверью цокали коготки старичка Рэя, мама подарила мне его на пять лет. Хлопали дверцы шкафчиков, шумела в трубах вода. Томек вернулся... Рановато, всего восемь. Может, тренировку отменили? Обняв подушку, я перевернулась на бок, начертила на стене невидимую полосу, как Ярек во время урока. Ещё одну и ещё, пока не затекла рука. Зачем он это сделал? Да ещё при всех? Зачем приказал танцевать? Почему не сказал Руже, как мы повздорили? Эти вопросы мучили не меньше, чем таинственная фраза Руже. Он сказал, в книге послание, или я додумала за него? Возможно, Ад — это предупреждение, но о чем? Или в книге была записка, и она выпала?

Теперь, когда я знала, какой он изобретательный, в голову лезли версии одна фантастичнее другой.

Потом фокус переключался на Ярека, возвращался к Руже, опять к Яреку. В голове вдруг заговорила пани Козак: мне очень не хочется контактировать с Вашей матерью...

Вспомнилось, что я обещала позвонить маме, но раньше одиннадцати она редко снимала трубку. Работы навалом. Да она и сама позвонила бы, стоило только пани Козак ей нажаловаться. Я сомневалась, что в пятницу вечером пани Козак сидела над расстрельным списком и тарабанила родителям.

От скуки рука потянулась за телефоном. Я машинально открыла страницу Руже. И сразу выключила экран.

Зачем, Аля?

Удивительно... Пока он докапывался до меня в кабинете, хотелось сбежать, но теперь я бы задержалась рядом подольше. Расспросила бы, чем провинилась перед Яреком или кто допёк его.

Хотя...

Мир ведь не рухнет, если я напишу ему и спрошу про Данте. А уж там переведу тему на Ярека и разузнаю всё: от любимой марки творога до имени матери.

Страшно хочется полюбоваться на женщину, воспитавшую этого самовлюбленного выскочку.

Глава 5

Литературные критики возмущаются, когда глава начинается с пробуждения героя. *«Нельзя ли как-то оригинальнее, господа писатели?»*

Хм, имею право, ведь я не претендую на звание великого писателя.

В субботу утром я проснулась от того, что Рэй скребся в дверь и скулил. Вернее, сначала так показалось. Затем я прислушалась: за перегородкой часто дышали и постанывали, а то, что я приняла за когти, оказалось шуршанием одеяла.

— Томек, блять!

— Что? — Шуршание резко оборвалось. Томек выглянул из-за перегородки, завёрнутый в одеяло по пояс и безобразно лохматый, будто у него на голове плясали кошки.

— Доброе утро, — буркнула я. И чего вызверилась спозаранку? Когда мне звонила Стефа, и мы обсуждали сочные сплетни, брат включал режим "слепоглухонемого". С другой стороны, до ванной три шага, мог бы уже пощадить мою разболтанную психику.

Все ещё лёжа в кровати, я мысленно заходила в кабинет покойной бабули и воображала, как вынимаю из сумки Данте, и в классе вдруг появляется Руже. Со шлемом и тетрадями наперевес.

— Я буду заменять пани профессора до конца года...

Я вздрогнула, ущипнула себя за запястье и с макушкой нырнула под одеяло. Ужас. Абсурд. Ну и белиберда же думается спросонья!

Пани Козак, при всей ее склочности и мстительности, отбирала сотрудников куда тщательнее, чем Золушка отделяла чечевицу от пепла. Ты спросишь, а как насчет дряхлого пана Козловского или сумасбродной бабули?

Ну, так и они родились не в семьдесят.

Наш лицей и правда хвалили за сильных преподавателей. А то, что с нами они ехали крышей, мало кого волновало.

Так что я могла спать спокойно. Наверное, со дня на день пришлют тётку лет пятидесяти, спокойную, в меру строгую, но справедливую. Все, как любит пани Козак.

Я протрепалась с внутренним голосом почти до десяти. Нехотя выползла из постели и, пока Томек искал носок, прошмыгнула в санузел. Там уединилась на унитазе, слепо пялилась на плитку с темнеющими от плесени швами. Потом в дверь заколотил Томек. Малой надоеда. Леню ему, видите ли, спускаться в туалет на первый.

Когда кулак Томека не на шутку разошелся, я прямо со спущенными штанами затянула песню, от которой его тошнило — «фу, попса дурацкая выключи!»

План не сработал. К половине одиннадцатого мы дважды поругались, помирились, и наконец сели завтракать.

После завтрака я собиралась записать его в парикмахерскую и свозить за школьными брюками. С осени Томек вы-

тянулся на пять сантиметров.

— Маман сегодня приедет, — напомнил он, явно намекая, что пора расчехлять пылесос.

— Ты загадил дом — ты и убирай.

— Меня дома почти не было! — От возмущения он закашлялся.

— Кстати, а где ты был? Я звонила Бартеку, он сказал, что позавчера ты ушел от него в десять. А домой приперся в двенадцать. Мама очень обрадуется этой новости.

— Ха, а я скажу ей, что ты не выводила Рэя, и он насрал на ковер в гостиной.

— А я скажу, что ты дрочишь на плакат Билли Айлиш, и те белые пятна, якобы от пластилина, совсем не...

— А я... — перебил он.

— Что?

— А я... — Он победно вскинул палец и выкрикнул: — Скажу маме, что ты залипла на старшеклассника и таращишься ночью на его фотки! А ещё ты создала страничку на имя какой-то Юльки и пасешь с нее фотки Ярека. Вот!

В щеки бросилась горячая кровь, и в голове промелькнула вспышка, предвестница грозы в доме. Про Юльку не знал никто. Даже Стефа. Черт, я и Рэю не рассказывала. Знаю, звучит странно, но порой мы дискутировали с ним на злободневные темы. Прятались под вечер в беседке, и пока я с маминой сигаретой убеждала его, как тяжело быть человеком, он вздыхал у меня в ногах: бедная, бедная моя хозяйка.

Наваждение ушло так же резко, как наступило.

Я схватила Томека за шкирку, притянула его к себе через стол и прошипела ему в лицо:

— Откуда знаешь про Юльку, крысеныш?

— Ай! — Он скривился и, кажется, пустил слезу.

— На меня не работают дешевые трюки. Откуда?

— Стефа! — прокряхтел он, пытаюсь отцепить мои пальцы от воротника пижамы.

— Не ври! Стефа ничего не... Ах она сука!

Хватка сама собой разжалась. Томек потерял равновесие, плюхнулся на пол как мешок с картошкой и захныкал.

Но мне было не до обиженного братца.

Вот значит как! Стефа! А я-то гадала, почему время от времени вижу на почте сообщения вроде «в ваш аккаунт зашли».

Я и правда не придавала этому значения. Мама часто брала мой ноутбук, и я наивно полагала, что, когда она запускает браузер, мои соцсети автоматически оживают. Так чаще всего и случалось. Мама искала цены на гладиолусы в Голландии, почта присылала предупреждение... Как, скажи мне, Стефа угадывала, во сколько мама войдёт в интернет?

Близкая к паранойе, я прошлась взглядом по углам кухни, заглянула в столовую. Затем подала Томеку руку и усадила его на стул. Брат хмурился и шмыгал носом.

— Извини, психанула.

— Как обычно — косячат другие, а я отдуваюсь, — про-

бубнил он.

Я попыталась обнять его, но он дернулся и скрестил руки на груди.

— Томек, я ужасно испугалась. Вот представь: вы с командой разрабатывали стратегию, а соперник подглядел ее и использовал против вас. Приятно?

— Хм, мгом. — Он зыркнул на меня исподлобья и пожал плечами.

— Будь другом, вспомни, когда она разболтала про Юльку?

— Не знаю. Не помню. В ноябре, что ли?

— Уверен? — Запахло неожиданным поворотом.

— Говорю же, не помню! Она написала. Первая. Я обалдел. Стефа такая, ну... Такая!

— Поняла, успокойся, продолжай.

— Мы переписывались, и она отправила ссылку на фейковую страницу. Типа, смотри, что Аля сделала.

— А дальше? — Внутри всюду бушевала злость, но я по-прежнему говорила спокойно, почти ласково.

— А дальше она сбросила страницу Ярослава и сказала, что он тебе нравится, а ей жаль тебя, потому что Ярек другой.

— Какой другой?

— Типа, первоклассный самец, и ему нужна нормальная девушка, типа нее. А ты фре...фри...

— Фритюрница, — бестолково ляпнула я и отвернулась

от брата.

Кажется, я действительно... фритюрница. Мозгов у меня явно как у нее.

Пазл сошёлся с чудовищной точностью.

Ноябрь. Дискотека. Ты помнишь, как Стефа попросила меня принести ликер. Но я так спешила, что сразу перешла ко дню самоуправления, а между тем среди этих событий затерялось кое-что важное.

Послушай и рассуди. За полчаса до дискотеки Стефа взяла мой телефон. Якобы ее разрядился, и, если она не наберёт родителям — ей свернут шею.

Я охотно поверила, имела дело с пани и паном Новак.

Стефа пропала в недрах лица, через полчаса вернулась довольная, всучила мне телефон и опять упорхнула куда-то.

В списке вызовов первым шел номер ее матери, а дальше — отца. С обоими она говорила от силы минуты три.

Я не стала играть в детектива. Зачем? Главное, она предупредила родных, а чем занималась после — торчала в туалете, отчитывалась перед парнем или курила — меня не беспокоило.

Мама постоянно повторяла: настоящая дружба держится на доверии. Я доверяла Стефе и однажды показала бы ей страницу Юльки. Я создала ее как раз в ноябре, накануне дискотеки. С расчетом, что под видом симпатичной незнакомки выманю Ярека на крыльцо и там признаюсь в чувствах. Но все пошло не по плану. У Руже отобрали пиво и

почему-то пропустили в актовЫй зал. Ярек вошёл следом. А меня развернули, и Стефа из солидарности ушла со мной. До вечера мы торчали в шоколаднице, воображали, как отомстить пани Козак. Я предлагала размазать масло по ее кабинету — от пола до потолка. Стефа — написать с чужого аккаунта мужу пани Козак и развести его на встречу, а потом скинуть ей доказательства. Я отлично запомнила, как Стефа спросила, найдется ли у меня запасной аккаунт. Тогда я соврала, и разговор незаметно переключился на Ярека.

Хуже всего было то, что Стефа скопировала мои пароли. И... О Боже!

— Томек! Черт... Где мой телефон?

Не дожидаясь ответа, я полезла в карманы, вывернула их наизнанку. Хрясь! — телефон брякнулся о плинтус, на экране расползлась трещина.

— Что ты делаешь? — Томек посмотрел на меня с опаской.

Я отмахнулась от него и загрузила фальшивую страницу. Из-за трещины лицо Юльки испещрили шрамы. Выдуманная девочка увлекалась модой, стилем, современными танцами и баскетболом. Его я вписала потому, что Юлька по легенде высокая, как и подобает модели.

Сообщения... Черт. Потные пальцы натыкались на сколы, телефон барахлил и выбрасывал на чужие профили. Я чуть не вlepила лайк новому посту Ярека. Убрав телефон от греха подальше, понеслась за ноутбуком и там наконец зашла

в профиль.

Пусто. Ноль друзей. Ноль переписок. Ноль фотографий, кроме главной, уже без шрамов. Будь я на месте Ярека — согласилась бы на кафе с этой милой блондинкой.

Мысль покружила вокруг словачки, чье фото после долгой обработки стало аватаром Юльки. Спасибо ей, здорово выручила. Жаль только, потеряла ссылку на ее настоящую страницу. Впрочем, сейчас следовало думать о других потерянных следах. Если кто-то залез в профиль и почистил его, он должен был наследить.

Сообщения любой дурак удалит. В отличие от цифровых хвостов.

Я открыла историю сессий. На экране тут же выстроились даты и время чужих визитов. Вчера 00:18. Позавчера 23:15. В это время мама колесила по Гданьску, а мой ноутбук, как помнишь, валялся дома. Томек близко не подходил к нему — ему купили собственный.

Оставался один человек — Стефа.

Моя лучшая подруга, с которой мы ходили в одну воскресную школу. Которая учила меня плавать, стоять на коньках и подстригать Рэю когти.

Стефа вела двойную игру?

Против *меня*?

Глава 6

Я сидела на кровати, прижимала к груди разбитый телефон. Экран ноутбука медленно заволакивала темнота. За ней еще слабо виднелись строки *вчера 00:18, позавчера 23:15*. Скоро экран стал сплошным черным зеркалом, но вместо отражения я видела там проклятые буквы и числа и перечитывала их по кругу. Словно они могли подсказать, что делать дальше. Звонить Стефе? Зачем?

Факт оставался фактом. Она открывала мой профиль, читала, смотрела, потом закрывала. Ложилась спать. А на следующий день гладила меня по плечу и подбадривала: «смелее, Аля, под лежащий камень...»

На моём месте Стефа уже позвонила бы всем друзьям, швырнула телефон о стену и рванула к предателю. Раньше я откровенно завидовала её смелости. Казалось бы, это так просто. Всего-то прижать телефон к уху и спросить: почему?

В голове бесконечно крутились фразы: «как ты могла», «я доверяла тебе», «ты же знала». Все они имели не больше смысла, чем стеклянная крошка под ногтями. И за ними, увы, скрывалось самое обидное: человек, которому я всегда звонила в таких ситуациях, был тем, кто заходил в 00:18 и 23:15.

... С каждым моим вдохом угол телефона всё больше врезался в грудь. Я сжимала его крепче и крепче. Если вы-

пустить, руки станут пустыми, а пустые руки — это самое страшное. Они требуют действия. Взять книгу или сигарету, но для этого нужно подняться, включить свет, подойти к тумбочке, наклониться, открыть ее.

Нет. Лучше просто лежать. Пока лежишь, ничего не случится. А если случится, то не со мной.

Я покорно закрыла глаза. Положила руку на сердце: удар-удар-удар, передышка. Так и должно быть?

И вдруг осознала так реально, будто кто-то позвал меня по имени. Если прямо сейчас я не встану, то сгнию в кровати, и меня тоже разденут догола, накроют простыней, увезут в морг, положат на ледяной стол, вскроют и набьют тряпками.

В ужасе я вскочила с кровати, заметалась под потолком. Добежала до стола, обратно, скомкала плед и швырнула его на пол. Туда же полетело одеяло, потом подушки. Я срывала с них наволочки, разбрасывала по комнате, они накрывали пол белыми лужами. На них шлепнулся огромный пододеяльник.

В состоянии, близком к помешательству, я схватила белье, бросилась в ванную и забила машинку доверху.

Потом прилетела в спальню, выдохнула и упала на голую кровать. С тумбочки красной лампочкой подмигивал ноутбук.

Надо встать. Нельзя валяться.

Иначе холодная каталка, скальпель, тряпки...

Я подползла к ноутбуку, зашла на свою страницу. И пере-

местилась за стол. Из ста пятидесяти друзей половина была онлайн. Меня интересовал один. Руже.

Что ему написать? «Привет, как дела?» *Детский сад.*

Как могут идти дела у того, кто дружит с Яреком, обманом втюхивает мне «Ад» и носит волосатые штаны?

Нет, нужно что-нибудь посерьезнее, и в то же время, чтобы не оттолкнуть его. Память послушно выдвинула ящик с картотекой, где пылилось досье на Руже. Итак, он обожает питомцев и... Я поняла, что не знаю о нем ничего, ничегошеньки. Кроме того, что он почитает Данте. А я, в свою очередь, так и не прочла его.

Стул на колесах откатился к тумбочке, я выхватила оттуда книгу и покатила обратно к столу. Божественная комедия. Почему она божественная? И почему комедия? Всеведущий интернет уточнил: раньше комедией называли любую книгу с хорошим финалом. Раньше? Это когда? За три минуты я узнала, что поэму (оказывается, это еще и поэма) написали семьсот лет назад. А божественной она стала потому, что какой-то умник впечатлился ее величием и глубоким смыслом.

С этими знаниями я вполне могла написать Руже, даже не открывая книгу. Но зачем-то открыла ее и пролистала. Наверное, еще надеялась, что между первым и девятым кругами Ада лежит послание.

Я слышала об этих кругах везде, кроме костела. Но если задуматься, не вникала в иерархию. Где-то томились некрещенные, где-то прелюбодеи, где-то лжепророки и насильни-

ки... Я долистала до девятого круга, круга предателей, по макушку увязших во льду. Перевернула книгу, потрясла ее — никакой бумажки. А когда собиралась закрыть, коснулась страницы — кто-то загнул ее угол. Пояс третий. Толомея. Предатели друзей и сотрапезников.

Предатели друзей. Не родителей, не детей, не супругов. Друзей!

Я быстро перелистнула назад, к предателям родины. Там угол не завернули. Потом вперёд. Тоже нетронутая страница.

Положила книгу на колени и повозила мышкой по пиксельному Руже.

Это он сделал?

Вот с чего стоило начать переписку. Сам того не подозревая, спустя семьсот лет Данте здорово услужил мне. Посидев с полминуты над фото Руже, я наконец открыла пустой диалог. И напечатала:

— Привет.

Для начала сгодится. Может, он занят или зубрит на понедельник, и проигнорирует сообщение. Через секунду рядом с его именем вспыхнула зелёная точка.

— Привет, Аля.

И все. Спросил бы ради приличия, как дела, что нового?

— Ты обманул меня, в курсе?

На экране появились серые точки. Печатает...

— Зато как искусно! Ты же прочитала, да?

— Нет. — Я нарочно поставила точку, и поставила бы ещё

десять, если бы все имели одинаковый вес.

— Жаль. А я уже придумал отличную шутку про Вергилия.

— Что за хрен?

— Эй, да как ты смеешь?!

— Не поняла?

— Ну, я думал, ты прочитаешь и спросишь про Вергилия, а я скажу, что взял на себя его роль, ха-ха.

Брови поползли на лоб. «Вергилий» загуглила я. Древний поэт, почитаемый Данте. Провел его через ад.

— Извини, что испортила тонкую шутку. Она реально крутая.

— Честно? — Он добавил весёлый смайлик.

— Да. Тут такое дело... — Пальцы замерли над клавиатурой. Что писать? Съезди-ка к Стефе и врежь ей? Или пока что про Ад? — Ты сказал, там важное для меня. Нашла закладку в книге. Твоя?

— Моя. Рад, что ты её заметила. — Смайл подмигнул.

— Что это значит? Ты Вергилий, я Данте? Почему мы в аду?

— А разве в раю? — Грустный смайл.

— Скорее, в чистилище. Ты когда-нибудь крепко ругался с Яреком?

Я сжалась на стуле, поднесла ладони к губам и сидела так, пока не увидела: печатает...

— Бывало. — Опять без подробностей.

— Из-за чего?

— Ну, всякое случалось. Почему ты спрашиваешь?

— Стефа, — ответила я. И замолчала.

Он тоже замолчал.

Какое-то время я тарасила на пустой диалог. Заносила пальцы над буквами. И неподвижно сидела.

Печатает...

— Аля.

Печатает...

— Давно хотел сказать.

Печатает...

— Ей нравится Ярех. Она подходила в пятницу. Спрашивала про него.

— В эту пятницу?

— Угу. Ярех сказал, что пригласил ее.

— Кудааааааа? — Я еле заставила себя отпустить кнопку «А».

— «Светляк». Посмотри ее истории. А я гляну его.

Я послушно зашла на страницу Стефы. «Светляк». Последнее обновление в 21:18.

Полчаса назад.

Руже прислал снимок экрана. Ярех тоже отдыхал в «Светляке».

На мгновение я застыла, не веря глазам. Стефа лила на него тонны помоев. Мажор, папенькин сынок, белобрысый. Она не могла... Она же... Она...

Она дружила со мной, потому что я идеальный контраст, и это ломало сильнее всего. Теперь я даже примерно не знала, сколько лжи осталось за кадром.

Глава 7

Все понедельники, кроме тех, что выпадали на каникулы, я представляла одинаково: огромная грязная лужа, где солнцу противно свое отражение.

Сегодня солнцем и не пахло. По крышам и стеклам настойчиво барабанил ливень; серое небо резала молния, вдалеке гремело, и дерево у окна угрожающе гнулось и стонало под стать моему настроению.

Я и до того неохотно училась по понедельникам, а в этот и вовсе решила, что прогуляю. Решение созрело ещё до будильника. Много ли радости тащиться под ливнем на остановку, толкаться с зевающими незнакомцами и их мокрыми зонтами. Понедельник обычно начинался со сдвоенного урока польского, но найти нового преподавателя за два дня было невозможно. Даже для пани Козак. Вероятно, она попросила химика или математика заменить урок, что делало мой прогул законным. Жаль, что только в моей голове.

Сначала я спорила со здравым смыслом: прогуляю, учитель отметит, донесет пани Козак, а она позвонит матери... Мама только из командировки, значит напьется (*дай матери расслабиться, Аля!*). После бокала вина она обычно переходила на виски, а где виски — там и долгая лекция. То про контрацепцию, то про девственность, то про экономический кризис.

Признаться, я бы охотнее послушала про девальвацию, чем про свидание Стефы. К первому уроку, уверена, об этом узнали бы все.

Так я решила, что останусь дома. Все равно в выходной мама спала до двух.

Когда проснется — сойду, что меня отметили по ошибке или пан Козловский заболел. К счастью для меня, его часто забирали в больницу.

А, может, сегодня вообще не отметят прогульщиков. Я слышала краем уха, что один из старшеклассников здорово накосячил на дне самоуправления, и в понедельник его и учителей ждала выволочка на ковре. Хорошо бы их замучили до беспамятства...

Я запретила себе думать об этом. Хотя бы, пока не проснется мама. Свободное пространство тут же заняли Стефа и Юлька.

В субботу Стефа гуляла с Яреком, дай-ка вспомнить... в «Светляке». В 21:18 выложила оттуда фото. Я же заходила на страницу Юльки около восьми и минут через пять переключилась на основную. В субботу почта молчала.

Я проверила на всякий случай папки с рассылками и спамом. Убедилась, что, кроме меня в субботу профилем Юльки не пользовались. Ну, естественно, Стефа занималась паном Покаржевским! Как именно — легко догадаться. Всех, абсолютно всех парней она после первого свидания тащила домой. Ах, но как же суровые пан и пани Новак? Ты плохо

знаешь Стефу. Она соглашалась на свидания исключительно в те вечера, когда ее родители уезжали за город, в один из «спокойных домиков» где-нибудь за сто километров от города; величественный лес с комарами (если не повезет — с кабанами), и комнатуха с двухъярусной кроватью и столиком. Они работали писателями. Впрочем, это лишняя информация. Обычно они уезжали на выходные, и Стефа планировала свидания тоже на вечер пятницы или субботы. Она могла постелить Яреку или любому другому парню отдельно, но — ой, надо же! — постельное вдруг исчезало из шкафа или сохло после стирки. Как понимаешь, звонить родителям и спрашивать про запасное — отвратительная идея.

Поэтому давай смотреть правде в глаза: Ярек ночевал у Стефы. *Со Стефой*. В воскресенье утром она его выперла, он поехал... Куда? Да какая разница! Стефа видела, что я смотрела ее истории, и отмолчалась. И не написала мне сегодня, к какому уроку придет.

Она уже вычеркнула меня из жизни. Еще в ноябре, когда скопировала пароли.

С этими мыслями я до двух провалялась в кровати. И если ты думаешь, что это было ленивое валяние с книжкой и какао, то нет. Я лежала, натянув одеяло до подбородка, и тарщилась в потолок, где с прошлого лета расплывалось пятно от протечки, похожее на профиль пани Козак в миниатюре. Пятно смотрело на меня, я на него, мы обе молчали. За окном дождь долбил с тем же упрямством, с каким Томек

стучался в ванную, а Рэй скребся в дверь и периодически вздыхал, будто его тоже тошнило от понедельников.

Телефон я брала раза четыре. Заходила на страницу Юльки, убеждалась, что там по-прежнему ноль друзей и ноль переписок, выходила. Открывала основную страницу, смотрела на фото со Стефой, закрывала. Стефа так и не появилась в сети, и Ярек тоже. Это молчание злило больше, чем если бы они выложили совместное селфи с подписью «спасибо за вечер».

Лежи и жди, Аля. Очень продуктивно.

В половине третьего я решила, что если не встану сейчас, то пролежу до вечера, а вечером войдёт мама, и придётся врать про головную боль. Мама будет щупать мой лоб ладонью, пахнувшей сигаретами и кремом для рук, и говорить, что я вру, как врал он, человек на букву Д. Умоляю, потерпи до середины, там ему посвящена целая глава.

Я всё-таки встала, механически натянула форму и вышла из комнаты. Рэй поднял голову, зевнул и отвернулся, всем своим видом показывая, что я его разочаровала.

— И ты туда же, — буркнула я.

В конце концов, если пани Козак позвонит, и мама спросит, почему я прогуляла, я скажу, что заболела, а форму надеда, чтобы мама не расстраивалась.

Скоро я спустилась в столовую, где уже кипела жизнь. Пахло солёными огурцами и остывшим кофе. Чашка Томека стояла с недопитым чаем, повсюду валялись крошки от пе-

ченья, разбросанные с той щедростью, с которой он обычно разбрасывал носки по всей комнате. Сам Томек ещё не вернулся. Зато за столом обосновалась мама в очках и с журналом, и вид ее говорил, что пахнет разборкой.

— Аля? Где ты была?

— В лицее. — Я наивно заморгала и натянула ангельскую улыбку.

— Точно? Я не слышала, как ты уходила.

— Потому что ты спала?

— Ладно... — Мама отхлебнула из кружки, посмотрела на меня, будто видела впервые. И снова пристала:

— Кто ходил с Рэем?

— Томек. Сегодня его очередь.

— Но я не...

— Ты спала! — уже раздражённо сказала я. — Мама, хватит уличать нас в тупости. Мы спокойно сходили на рынок, купили штаны и ни разу не подрались.

— Ладно, — повторила она с недоверием.

Присев рядом с ней, я подперла подбородок кулаком, уставилась в окно. Двор превратился в одну большую лужу. Наша любимая с Рэем беседка намокла и выглядела жалко. И забор потемнел. Где-то там, за этим забором, жил своей жизнью лицей, и Пани Козак, возможно, уже набирала номер моей мамы, и Ярек искал меня, чтобы извиниться...

Хотя, чушь это все.

Скорее, он женился бы на пани Козак, чем извинился пе-

редо мной.

Но одну штуку стоило проверить, причем как можно быстрее.

Увлеченная Юлькой и Яреком, я упустила из виду главное: личную страницу, откуда переписывалась с Руже. Она хранила в себе больше секретов, чем ватиканская библиотека и ежедневно пополнялась новыми. Там, в сообщениях самой себе, я вела личный дневник.

Пароль от этой страницы я сменила сразу, как расколола Томека. Страницу Юльки не трогала; пусть хакер думает, что контролирует ситуацию, но вот позже, когда расслабится...

Последнюю запись в цифровом дневнике я сделала в пятницу, после дня самоуправления.

«Мудак». — Начиналась она. «Ну почему именно он, Господи? Почему не Анджей или Куба? Они хотя бы дарили цветы и звали в кино. Блять, я бы и с Руже переспала назло Яреку, лишь бы сработало. Руже, конечно, та ещё горилла и пахнет от него дешёвым порошком и маминым сырником. Даю Яреку последний шанс — пусть извинится передо мной в понедельник, а иначе я реально подойду к Руже и приглашу его в койку".

Я крепко зажмурилась и хлопнула ладонью по лбу.

— Ужас... Позорище...

— Что? — немедленно обернулась мама. Она переместилась к раковине и мыла посуду.

— Покаржевский.

Эту фамилию знали благодаря тому, что когда-то дед Ярека отстоял в суде честь маньяка-душителя, который, как оказалось, в своей жизни задушил только петуха, и то случайно.

Я сказала:

— Ярек наехал на меня в пятницу. Я пошутила перед ним, а не над ним, это существенная разница.

— Как пошутила?

Пришлось рассказать без утайки. Мама всего-то пожала плечами и снова отвернулась к раковине.

— Нашла с кем якшаться. Толковый дед не сделал Ярека мудрецом.

— О чем ты?

— Я много слышала о старшем пане Покаржевском, дай Бог ему здоровья. И кое-что об его сыне, отце Ярослава.

По спине побежали мурашки.

— Что он сделал?

— Всего-то создал преступную группировку, — фыркнула мама. — Отсидел за это десять лет и осел где-то в стране.

— И давно это было? — я вспомнила, как Майя утверждала, что отец лупил Ярека в детстве.

Мама опять пожала плечами.

— В любом случае, аккуратнее с ним, Алуся. Я не верю, что у преступников вырастают хорошие дети.

Тут я могла и хотела поспорить.

— Как вышло, что у хорошего деда получился сын-отморозок?

— А вот это как раз очень частая история. — Мама вздохнула, выключила кран и пошла в гостиную.

Я направилась за ней. Концы не сходились. Если дед Ярека талантливый адвокат, то почему позволил сыну сесть аж на десять лет?

Хотелось уточнить еще и об этом, но мама и так сказала достаточно. Да и откуда ей знать, что творилось в голове у деда Ярека? Может, узнай я, что мой родственник криминальный авторитет, сама бы помчалась в полицию. Удивительно, как при всей знаменитости пана адвоката я никогда не слышала о преступном синдикате?..

Я смотрела на дверь, за которой исчезла мама, и чувствовала, как внутри разрастается необъяснимая тревога, сравнимая с той, когда я нашла закладку Руже. Дед — адвокат, отец — бывший зек, Ярек... Кто он? Если бы все было так просто: «отец — преступник и сын — преступник», полиция бы давно торговала помидорами на базаре.

Словно подслушав мысли, Рэй тяжело вздохнул, задрал голову и ткнулся носом в мою ладонь.

— Знаешь, — сказала я ему шёпотом, — кажется, начинаю понимать, почему Ярек ведет себя как король.

Глава 8

Во вторник я решила не испытывать судьбу. То, что мама прозевала отметку в электронном дневнике, — редкая удача, дважды так не повезет. Тем более, мне. Как и вчера, небо затянуло грозовые тучи, но вместо ливня до лица сопровождала противная морось. Когда я подошла к крыльцу и остановилась встряхнуть зонт, из главного входа выпорхнула Стефа, и я слабо верила, что это случайность.

Секунду мы молча смотрели друг на друга. Затем она приветливо улыбнулась и помахала мне рукой.

— Куда ты вчера делась? Хотела написать, но расквасила телефон. Прикинь? Живу как в каменном веке.

— Какая трагедия. Надеюсь, ты справишься, — сказала я, плохо понимая, как общаться со Стефой. Вчера я убеждала тебя, что притворюсь глупой овечкой. Но сегодня еле сдерживалась, чтобы не ударить ее. Впереди ждали семь часов за одной партой. Я могла поменяться местами с Касей — она часто жаловалась, что соседство с Агнежкой ее раздражает. Но боялась, что в придачу к Стефе покалечу Агнежку.

Признаться, в этом здании почти не осталось друзей. Разве что Кася, но она на моем веку запятнала себя дружбой с Агнежкой.

В полном молчании мы со Стефой вошли в холл и, не сговариваясь, посмотрели на часы у входа: несколько лет на-

зад наш лицей втянули в эксперимент. Министерство образования отменило звонки, якобы это травмировало психику детей и преподавателей. Меня куда больше травмировала неопределенность. В холле 7:53, на телефоне 7:49, а часы учителей достойны отдельной книги.

Поэтому пришлось ускориться. Стефа зачем-то провела меня до школьных шкафчиков, раньше она сразу шла в класс. И спросила, как бы невзначай, пока я ковырялась в замке:

— Как выходные?

— Нормально.

Я подергала ключ в замке. Чертов шкафчик. Опять заело.

— Какая-то ты злая сегодня.

— Неужели?! — Внутри замка что-то щелкнуло, но дверца застряла на месте. Я врезала ей со злостью, накопленной с пятницы, и острый железный угол прилетел прямо мне в лоб. Боль пришла не сразу: сначала в ушах зазвенело и по коже потекло что-то тёплое и липкое; я поняла, что это кровь раньше, чем увидела её на пальцах. Потом во лбу закололо, и боль пронзила от висков до корней зубов, так, что перед глазами поплыло.

— Кровь! У тебя кровь! — выкрикнула Стефа.

Я перевела взгляд на дверцу со следами крови, потрогала липкий лоб и отдернула ладонь. Красное. Похоже, сильно рассекло.

— Надо промыть и заклеить! У меня есть пластырь, сей-

час, не трогай. Иначе в рану попадут микробы, начнется заражение, это ужасно, Аля!

— Не ужаснее, чем моя жизнь.

Пропустив слова мимо ушей, Стефа захлопнула проклятую дверцу, схватила меня под локоть и потащила вглубь коридора.

— Пойдем в туалет и к медсестре, она пришла, я видела.

— Зачем? Может, я хочу умереть.

— В смысле?

— Ничего не хочешь сказать?

— Аля... — Стефа отпустила меня, и попятилась, будто боялась заразиться сумасшествием. — С тобой все в порядке?

— А с тобой?

— Да что случилось?! Мозг повредился?

— Кажется, это по твоей части.

С обиженным лицом и упаковкой пластыря в руках Стефа застыла посреди коридора. Вокруг лязгали двери, шаркали подошвы, гудели недовольные голоса: — А ну, свалите с порога! Какой-то любопытный парень притормозил рядом с нами, поглазел на мой лоб и охнул, а другой нарочно задел Стефу груженым рюкзаком. С минуты на минуту нас ждали в классе немецкого, но заходить туда *с ней*, садиться за одну парту, терпеть ее до лета я просто не могла. Да, овечка из меня вышла паршивая, не лучше, чем из Стефы — подруга. Исправляться нам было поздно, да и смысл? Как бы Стефа

ни извинялась, я знала, что в Толомее каждому предателю отведена своя прорубь.

Я развернулась и, не оборачиваясь, пошла к кабинету немецкого. Во лбу слабо побаливало. Я бы выдержала до конца дня, вернулась домой и поехала с мамой в больницу. Но раз медсестра пришла раньше, и до урока оставалась минута, я ещё успевала отпроситься.

— Пан профессор?

Наш учитель, пан Зелинский, сидел за столом и листал тетради с таким выражением, точно каждый ее хозяин лично испортил ему утро. Я постучала о дверной косяк и вошла в класс.

— Пани Квятковская? — Пан Зелинский оторвался от работы, взглянул на рассеченный лоб и выронил ручку. — У вас кровь! Что произошло? Вы ходили в медпункт?

— Шкафчик, — сказала я и пошатнулась, чтобы впечатлить его на шесть баллов. — Пока не дошла...

— Идите, — перебил он. — Но после урока обязательно подойдите ко мне, хорошо?

— Хорошо. Спасибо, пан профессор, извините.

— Вы дойдете?

Кивнув ему, отчего пол угрожающе закачался, я наощупь добрела до двери, а там свернула к лестнице.

Чтобы добраться до медпункта, нужно было пройти мимо кабинетов химии и физики, мимо вечно запертой двери спортзала и мимо тех самых шкафчиков, которые уже успе-

ли отметить на моём лбу.

Я почти дошла до лестницы, как услышала издалека знакомый голос.

— Аля?

У подоконника стоял Руже со стаканчиком кофе. Увидев меня, он выпрямился, стаканчик покачнулся, и кофе плеснул на куртку.

— Ох, блин.

В черной кожанке с шипами на плечах он смотрелся... э-э-э... весьма органично. Под ней виднелся серый пуловер с эмблемой лица, но вместо брюк Руже натянул кожаные штаны, в этот раз без бахромы, зато с шипованным поясом. Всегда поражало, как он, безупречный зубрила, регулярно плевал на устав и до последней крови отстаивал любимые штаны. Ох, черт возьми, кровь!

Он посмотрел куда-то в район моего лба и раскрыл рот.

— У тебя...

— Да-да, вот шла... — начала я и осеклась. Коридор почему-то расплылся и закружился, ноги задрожали, и дышать стало трудно. Что со мной?

— Может, лучше к врачу? — недоверчиво протянул он и подошёл ближе. — Хочешь, позову дежурного учителя?

— Нет, спасибо.

— Точно?

— Руже, у тебя, кажется, урок?

Я машинально кивнула на класс и сделала шаг к подокон-

нику. А дальше...

— Ой!

Колени предательски подогнулись. Я почувствовала, что, если не сяду или не обопрусь, — потеряю сознание, и ухватилась за стену, но опора оказалась иллюзией. Стена поплыла вместе со мной, вниз, к линолеуму, исчерканному черными полосками от подошв. Я почти приготовилась встретиться с ним, как вдруг сильные руки выдернули меня из падения. Руже среагировал моментально: отбросив стаканчик, он поймал меня в охапку и притянул к своей груди. От неожиданности я схватилась за лацканы его кожанки, смяла пальцами воротник. Остро наточенные шипы на его плечах замерли в паре сантиметров от моего бедного лба. Теперь лицо Руже было так близко, что я видела расширенные зрачки и крошечные золотистые крапинки в карих глазах.

— Нам нужен врач, — прошептал он мне в губы.

Клянусь, его сердце ходило ходуном, я слышала даже через шерстяной пуловер и рубашку, и это было совсем не вовремя. Голова уже не кружилась, зато пространство вокруг исчезло. Остался только Руже, и он держал меня так крепко, будто я коллекционное издание Библии. Его лицо пылало ярче факела.

— Ты странно на меня смотришь, — прошептала я, цепляясь за кожаный воротник.

— Ты только что чуть не грохнулась, — тоже шепотом ответил Руже.

— Уже все в порядке.

— И поэтому держишься за меня?

— Ру, — я впервые назвала его так, как называл Ярек.

В моем исполнении имя прозвучало чересчур мягко, почти интимно. Взгляд Руже прикоснулся к моим губам. В пустом коридоре повисла неловкая тишина, в которую ворвался голос диктора из кабинета немецкого: *Was willst du wirklich, mein Schatz?**

На мгновение мной овладел какой-то странный, мстительный порыв. А что, если в одной из аудиторий Ярек? И ему приспичит в туалет, и он выйдет... Увидит нас. Поймет, что мне вообще-то плевать на него. Мысль казалась шальной и злой, но я не могла противостоять ей. Если Ярек появится, я ведь могу назло ему взять и поцеловать Руже. Это же не переспать ради мести, а так... легкий щелчок по носу.

Фу! В следующий миг меня передернуло от отвращения к самой себе. Господи, какой бред. От удара извилины закоротило, Руже прав, надо к врачу.

— Пусти, — буркнула я уже нормальным голосом и уперлась ладонями в его грудь. — Я сама стою, честно.

Он помедлил, глядя мне прямо в глаза. Медленно разжал руки и отступил к подоконнику. В пустоту между нашими телами нагло ворвался сквозняк, и коридор, только что принадлежавший мне и Руже, снова стал пыльным, чужим и тоскливым. У серого плинтуса растекалась кофейная лужа, а пластиковый стаканчик сиротливо валялся на боку. Вот и

всё, никакой магии.

Руки, которые только что держали меня, теперь расстегивали рюкзак. А сам Руже стал отрешенным и помрачнел, как случилось бы на его месте с любым, кто понял, что его подпустили к себе по ошибке.

— Ладно, — буркнул он и кивнул в сторону лестницы. — Пойдем, раз стоишь. Не хочу опять отскребать тебя от плинтуса.

Was willst du wirklich, mein Schatz? — Чего ты на самом деле хочешь, моя дорогая?

Ты когда-нибудь слышал про корабль Тесея? Это философский парадокс. Предположим, есть дряхлый корабль, и по пути он разваливается на части, и его ремонтируют. Он ходит по морю десятки лет, и все это время его чинят и чинят. Сначала заменяют одну доску, потом целую палубу, и так, пока в корабле не останется ни одной старой детали. Скажи, это новый корабль или старый?

Я всегда агитировала за старый. Ведь если вместо корабля условный пан Матеуш, и ему пересадили чужое лицо и сердце, а заодно все органы, он все равно остался паном Матеушем. Так почему после того, как медсестра обработала рану, я почувствовала себя совершенно другим человеком? Важ-

ную роль тут сыграли Руже, Стефа и Ярек.

Давай по порядку.

С первым я увиделась сразу после медпункта. Он ждал меня в коридоре. Со Стефой — на истории.

К тому моменту все в классе обсуждали, как я «рехнулась и подралась с подружкой».

К счастью, ровно к девяти пришла пани Козак, и сплетники умолкли. Впервые я обрадовалась, что историю ведёт директриса.

— Пани Алиция, зайдите ко мне после трёх, пожалуйста, — сказала она.

— Зачем? — напряглась я.

— Насчёт шкафчика.

Я облегчённо выдохнула. Хорошо, что она пропустила, как мы с Руже обжимались. Он, кстати, ушел практически сразу, как убедился, что столбняк миновал, а головокружение из-за паники. Именно из-за этого (не из-за столбняка, из-за качелей Руже) я полдня сидела как на иголках. К последнему уроку наконец устаканилось. Я опрометчиво понадеялась, что щедрый на потрясения день устал. От меня всего-навсего требовалось дойти до кабинета пани Козак и вы сидеть там. Возможно, подождать маму, сесть в ее машину и доехать до дома. Спокойно, без сюрпризов.

Но едва я очутилась у кабинета пани Козак и занесла кулак над дверью, из холла окликнули:

— Аля!

Я вздрогнула — кричал Ярек.

— Аля, — снова позвал он, рассекая холл широкими шагами. — На минутку. Сможешь?

— М-м-м... Ну... Э-э-э...

— Сможешь, — сказал он за меня и поманил за собой, к столовой.

Там я давно заприметила уютное местечко. Правда, до этой поры считала его тайным и приводила туда только Стефу. За столовой тянулся длинный коридор. С сентября там красили, штробили, молотили; двери сняли с петель, а пленку то ли пропили, то ли украли. Поэтому за редкими прохожими из полумрака следили черные прямоугольные зрачки. Стефа признавалась, что ей там жутко. Мне наоборот нравилось. Тихо, мало народу. Всяко лучше, чем отдыхать в туалете.

Ярек провел меня мимо столовой, к пустым кабинетам. Юркнул в самый дальний и позвал уже оттуда. Шепотом.

— Аля? Быстрее. Мало времени.

— Ты меня пугаешь. — Я шмыгнула в кабинет вслед за ним.

— У меня физика. Отпустили на пятнадцать минут.

Он стряхнул пыль с единственного стола, наверное, там отдыхали рабочие, и уселся туда. А потом похлопал по столешнице.

— Иди сюда. Быстрее.

Застыв на пороге, я впилась зубами в нготь и откусила

его до мяса. Что происходит? Ярека тоже контузило шкафчиком?

— Математика, — сказал он с парты. — Которую меня заставили провести. Помнишь?

Такое вряд ли забудешь.

Я осторожно кивнула и всё-таки присела рядом. Голова опять закружилась, и сердце ответило кувырком.

— Я хотел извиниться, — продолжил он. После близости с его другом это пугало вдвойне.

— Тебя Руже подослал?

— Причем здесь Руже, — отмахнулся Ярек. Вдруг осекся. И повернулся ко мне с победной ухмылкой. — Подожди, вы с Ру обсуждали меня?

— Нет.

— Да лааааадно! Девчонки лезут к нему в штаны, чтобы подобраться ко мне.

— Не знала, что ты бываешь в его штанах, — вырвалось из рта.

Оцепенев, Ярек вылупился на меня. Потом оглушительно расхохотался и хлопнул меня по спине.

— А ты забавная девчонка. На уроке померещилось, что ебнутая, без обид. Я хреново разбираюсь в людях. Вот твоя подружка реально сука, уж извини. Корчила из себя богатую недотрогу, а сама...

— Раз ебнутая, зачем подошёл извиняться? — перебила я.

— Не поверишь, совесть замучила. В тот день, как бы сказать...

Он замялся и потерял красную нить на запястье. Повисло молчание, перебиваемое криками поварих из столовой и далёкими шагами. Пятнадцать минут подходили к концу, но он, похоже, забыл об этом и гипнотизировал взглядом свои шнурки. Внезапно его рука легла на мою. Мы одновременно переглянулись, моргнули и открыли рты.

— Ярек...

— Аля...

— Давай ты первая, — прошептал он, сжимая мою ладонь.

— Нет, давай ты. Пожалуйста. — От того, что он скажет без преувеличения зависела вся моя жизнь.

— Ладно... В тот день у меня умерла бабушка. Вот. Я предупредил пани Козак, но она настояла провести сраную математику. Я был... В каком-то анабиозе. Понимаешь?

Я не знала, что такое анабиоз, но кивнула. Его признание окончательно выбило из колеи. Нормальные люди обычно находили правильные, а, главное, искренние слова. Все, что пришло мне на ум — это подольше выдержать паузу и выдать ее за минуту молчания. Наверное, его бабушка была замечательной, у справедливого адвоката не может быть плохой жены. Я прокрутила в голове ту пятницу, от математики до вечера, и среди ссор и бытового мусора нашла важную зацепку.

— Подожди, Ярек. Твоя бабушка вела у нас польский?

— Да, — глухо ответил он.

Черт...

— Ну вот, я осмелился и признался. Теперь твоя очередь.

Я хотела сказать, что сочувствую его утрате, но это звучало как-то по-идиотски, по-сериальному несмотря на то, что его бабушка покорила меня с первого занятия.

Он заслуживал не пустой болтовни, а поступка. Чего бы мне хотелось на его месте? Чтобы меня обняли, погладили по волосам. Не лезли с салфетками и советами, когда я рыдаю.

Ярек не плакал. Может, сдерживал слезы, а может, давно подготовился к смерти бабушки. Конечно, сложно к этому подготовиться, но чем ближе моя бабушка подходила к семидесяти, тем сильнее меня штормило. Вроде бы глупо паниковать из-за круглой цифры, но я ловила себя на том, что невольно веду обратный отсчет. И от этого становилось чертовски жутко.

— Извини, — пробормотала я. Других слов не нашлось.

Он не ответил.

Его напускная броня уже дала трещину: из самоуверенного пижона и казановы он вдруг превратился в обычного Ярека. И вся глупая злость, все обиды последних дней мгновенно рассеялись, показались мелкими и ничтожными на фоне его трагедии. Какая разница, кто из нас прав?

Моя ладонь осторожно скользнула к его шее, потом к во-

лосам; он вздрогнул, но не отстранился. И в этот миг я окончательно и безоговорочно простила его. За всё. Ему гораздо хуже, а я... потерплю, чего бы это ни стоило. И, может, шторм внутри него наконец уляжется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.